

А. А. Фомин
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

О РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАКТИКЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИЗМЕННИКОВ РОДИНЕ ВОЕННЫМИ ТРИБУНАЛАМИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье исследованы отдельные аспекты политико-правового подхода советского государства к регулированию деятельности военных трибуналов, особенности судебной практики, судебного и ведомственного контроля, прокурорского надзора при рассмотрении дел в отношении изменников Родины. Проанализированы соответствующие приказы Народного комиссариата юстиции СССР, Прокурора СССР, определения Военной коллегии Верховного Суда СССР и т. п.

Автор приходит к выводу о том, что однозначно оценить деятельность военных трибуналов в военные годы нельзя. С одной стороны, вынесение ими неправосудных приговоров и допущение нарушения законности внесли вклад в историю репрессий военного периода. С другой стороны, трибуналы сыграли значительную роль в укреплении дисциплины на фронте и в тылу, в обеспечении безопасности и обороноспособности страны, привлекая к ответственности действительных предателей и пособников немецко-фашистских захватчиков. Автором проанализированы организационно-правовые меры, способствовавшие как ужесточению уголовной репрессии, так и обеспечению процессуальных гарантий законности, надлежащей уголовно-правовой квалификации, дифференциации и индивидуализации наказания.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военные трибуналы, изменники Родины, привлечение к ответственности, судебная практика

Для цитирования

Фомин А. А. О регламентации и практике привлечения к ответственности изменников Родины военными трибуналами в годы Великой Отечественной войны // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 5. С. 75–84. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_5_75.

УДК 344.342

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_5_75

В реализации мер уголовной ответственности в отношении изменников Родины в период Великой Отечественной войны значительная роль принадлежала военным трибуналам.

Приказом Народного комиссариата юстиции СССР (далее – НКЮ СССР) от 29 июня 1941 г. № 106 в качестве одной из важнейших задач судов определялась борьба с врагами народа, диверсантами, шпионами при неукоснительном следовании законам и правильном их применении [Григуть 1999: 113]. Приказ Прокурора СССР от 1 июля 1941 г. № 1/31936сс

предписывал перестроить судебный надзор таким образом, чтобы обеспечить неуклонное выполнение судами их обязанностей (уничтожение шпионов и диверсантов, беспощадная борьба со всеми дезорганизаторами тыла, нарушителями государственной дисциплины, паникерами и распространителями слухов)¹.

По данным отдельных исследователей, за весь военный период трибуналами было осуждено 2 530 663 человека. Из них за

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-8131. Оп. 38. Д. 78. Л. 1–10б.

контрреволюционные преступления привлечено к ответственности 471 988 человек (18,6 %) [Деятельность органов военной юстиции 1995: 89–90]. При этом дела об измене Родине составляли половину всех рассмотренных дел о контрреволюционных преступлениях в начале войны и две трети – в конце [Кодинцев, Шкаревский, Яноши 2016: 111–112]. По оценкам исследователей, в условиях войны, как и в предвоенный период, наибольшее количество неправосудных приговоров выносилось военными трибуналами именно за контрреволюционные преступления [Звягинцев 2006: 167].

Сразу с приходом войны начало формироваться чрезвычайное процессуальное законодательство, которое предусматривало ряд изъятий из порядка, установленного в мирное время, сокращало объем гарантий соблюдения законности при судебном рассмотрении дел. Это создало предпосылки для вынесения неправосудных решений. Вместе с тем в течение всего периода войны политико-правовой подход к регулированию деятельности военных трибуналов, в том числе рассмотрения ими контрреволюционных дел, менялся. Реализовывались меры, способствовавшие как ужесточению уголовной репрессии, так и обеспечению процессуальных гарантий законности, надлежащей уголовно-правовой квалификации, дифференциации и индивидуализации наказания.

Военные трибуналы квалифицировали деяние как измену Родине и применяли наказание за него в соответствии с обычным уголовным законодательством и чрезвычайными нормативными правовыми актами, принятыми в условиях военного периода¹. В начале войны в судебной практике военных трибуналов в местностях, объявленных на военном положении, были широко распространены факты осуждения по ст. 58-1 «б» Уголовного кодекса РСФСР, в том числе заочно, советских военнослужащих, сдавшихся в плен, перешедших на сторону противника либо предпринявших попытки совершить такие действия, а также имевших изменнические намерения либо ведущих пораженческую агитацию среди сослуживцев².

¹ Подробнее см.: [Фомин 2017].

² См., например: Государственный архив административных органов Свердловской области (далее – ГААОСО). Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 21348. Л. 48; Д. 17598. Л. 12–12об; Д. 49368. Л. 3; Д. 61475. Л. 1–2; Д. 61473. Л. 3; Д. 30688. Л. 3; Д. 57597. Л. 2; Д. 56127. Л. 5;

Вместе с тем уже в начале войны военные трибуналы приступили к практике осуждения шпионов, пособников немецко-фашистских захватчиков и участников первых коллаборационистских вооруженных формирований вермахта из числа бывших советских военнослужащих и гражданских лиц.

Так, приговором военного трибунала Запорожского гарнизона Одесского военного округа от 25 сентября 1941 г. за измену Родине по ст. 58-1 «а» УК УССР к 10 годам лишения свободы был осужден П., который, будучи завербованным противником, собирал и передавал врагу сведения о расположении частей Красной Армии, огневых точек, зенитных и артиллерийских батарей, автотранспорта и танков³.

9 октября 1941 г. красноармеец К. при выполнении боевого задания сдался немцам в плен, после чего перевел 50 фашистов на территорию, где не было советских частей, помог им окопаться и получил задание по сбору сведений о расположении частей Красной Армии, однако был задержан при попытке перехода линии фронта. За измену Родине К. был приговорен к расстрелу военным трибуналом 5-й гвардейской стрелковой дивизии⁴.

12 февраля 1942 г. военный трибунал 4-й ударной армии вынес приговор в отношении сразу 57 бывших красноармейцев, перешедших на службу в состав коллаборационистского вооруженного формирования «Украинская добровольческая казачья сотня», созданного немецким командованием для борьбы с партизанами и войсками Красной Армии. Осужденные попали в немецкий плен с июля по сентябрь 1941 г. и для улучшения своего материального содержания согласились на привлечение их к выполнению внелагерных работ. В ноябре 1941 г. по специальному отбору немецкого командования все они поступили на службу в указанное формирование. По зачислении в его состав они были переведены на казарменное положение, получили немецкое военное форменное обмундирование и были ознакомлены с целями использования немцами «сотни» в борьбе с партизанами и войсками Красной Армии. В составе «сотни» коллаборанты получали

Д. 42554. Л. 2; Д. 12279. Л. 2; Д. 36413. Л. 18; Д. 59049. Л. 2 и др.

³ ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 70523. Л. 43.

⁴ Там же. Д. 54878. Л. 40.

денежную плату за службу в немецкой армии, обучались военному делу, выполняли хозяйственные работы по уходу за закрепленными за ними лошадьми.

В январе 1942 г. все участники «Украинской добровольческой казачьей сотни», в том числе осужденные, были вооружены немецкими винтовками для обороны г. Торопец, но при поспешном отступлении немцев были взяты в плен частями Красной Армии. Приговором военного трибунала все представшие перед судом 57 участников «Украинской добровольческой казачьей сотни» были осуждены по ст. 58-1 «б» УК РСФСР к расстрелу¹.

5 марта 1942 г. военный трибунал 338-й стрелковой дивизии осудил по ст. 58-1 «б» УК РСФСР и приговорил к расстрелу красноармейца Г., который 12 декабря 1941 г. сдался в плен без сопротивления, после чего совместно с немцами участвовал в грабежах мирного населения².

18 марта 1942 г. военный трибунал 257-й стрелковой дивизии осудил за измену Родине по ст. 58-1 «а» УК РСФСР и приговорил к расстрелу С., поступившего в октябре 1941 г. на службу к фашистам в качестве секретаря сельского участка Великолукского района, который в тот момент был оккупирован немецкими войсками. В данной должности С. составлял для немецких властей списки коммунистов и комсомольцев, задерживал бежавших из немецкого плена красноармейцев и с полицейскими отправлял их в немецкую полевую комендатуру³.

Приговором военного трибунала Ленинградского фронта от 21 апреля 1942 г. по ст. 58-1 «б» УК РСФСР был осужден к расстрелу красноармеец М., который 2 сентября 1941 г. сдался немцам в плен. На допросе он выдал офицеру немецкой разведки сведения о своем подразделении и о частях Красной Армии, попавших в окружение. Затем он был завербован, дав подписку и согласие на выполнение задания немецкой разведки по ведению пораженческой агитации среди советских военнослужащих, созданию изменческих групп и организации их перехода на сторону противника. После получения от немецкой разведки пропуска М. перешел ли-

нию фронта и прибыл в Ленинград, где приступил к выполнению задания, однако вскоре был арестован⁴.

В местностях, не объявленных на военном положении, сохранялся обычный порядок уголовного судопроизводства, что способствовало соблюдению законности в деятельности военных трибуналов в тыловых регионах, но не гарантировало вынесение ими только правосудных приговоров.

Так, 11 октября 1941 г. военным трибуналом Уральского военного округа за измену Родине был осужден по ст. 58-1 «а» УК РСФСР и приговорен к расстрелу с конфискацией имущества В., кандидат технических наук, инженер треста «Уралгипромедьруд» (Свердловск)⁵. В прошлом он служил в царской армии, а в годы Гражданской войны являлся адъютантом штаба одной из казачьих дивизий армии Колчака. Уже во второй день войны он был арестован и обвинен в шпионаже в пользу Японии. В кассационной жалобе В. указал, что оговорил себя и признал вину на предварительном следствии и позже подтвердил ее в ходе судебного рассмотрения в результате применения к нему насилия и угроз при проведении допросов. В жалобе В. ходатайствовал о пересмотре дела со стадии предварительного следствия, «но в объективной обстановке, исключающей применение методов физического воздействия, иначе лучше идти на смерть – под расстрел, чем опять попасть в те условия следствия, которые пришлось испытать»⁶.

Находясь под следствием, В. предпринял несколько попыток самоубийства, о чем он также сообщил в обращении и что подтверждалось актами администрации тюрьмы. Однако в рамках кассационного производства обстоятельства, изложенные в жалобе В., не были учтены Военной коллегией Верховного Суда СССР (далее – Военная коллегия), которая решила, что его виновность доказана материалами дела и его признанием на следствии и в суде, поэтому приговор военного трибунала в отношении В. оставила в силе без изменений, а его кассационную жалобу отклонила⁷. 21 ноября 1959 г. определением Военной коллегии В. был реабилитирован,

¹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 41966. Л.1–8.

² Там же. Д. 55326. Л. 2.

³ Там же. Д. 62499. Л. 2.

⁴ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 57115. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 38526. Л. 258.

⁶ Там же. Л. 321–326.

⁷ Там же. Л. 260.

приговор военного трибунала Уральского военного округа от 11 октября 1941 г. был признан необоснованным и отменен в связи с отсутствием состава преступления¹.

Выявлению судебных ошибок способствовало издание 11 августа 1941 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР, который предоставлял военным прокурорам и председателям военных трибуналов фронтов и флотов право опротестовывать приговоры и определения военных трибуналов [История советской прокуратуры 1947: 519]. В годы войны также были внесены изменения в правила определения подсудности уголовных дел военным трибуналам по персональному признаку, усилившие процессуальные гарантии обеспечения законности при рассмотрении дел в отношении представителей командного состава, в том числе обвиняемых в преступлениях, связанных с сотрудничеством с врагом². Эти изменения имели целью «обеспечить максимальную осторожность, внимательность» и наиболее квалифицированное разбирательство уголовных дел о командном составе армии и в особенности дел о старшем командном составе, который играл «исключительно большую роль в боевой деятельности армии» [Гусев 1955: 79]. Также следует отметить, что подсудность военных трибуналов по персональному признаку в период войны устанавливалась не только нормативными правовыми актами, но и соответствующими постановлениями Пленума Верховного Суда СССР³.

Квалифицированным видом измены Родине являлась измена, совершенная военнослужащим; ответственность за нее устанавливалась ст. 58-1 «б» УК РСФСР. Соответственно, санкция за данное преступление была более суровая – только расстрел с конфискацией всего имущества. Статьей 51 УК РСФСР

предусматривалась возможность назначения наказания ниже низшего предела при наличии исключительных обстоятельств с обязательным указанием в приговоре мотивов такого отступления от уголовно-правовой нормы. Пленум Верховного Суда СССР 24 апреля 1942 г. указал судам на возможность применения данной нормы и назначения вместо расстрела длительного лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора в порядке примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР при наличии смягчающих вину обстоятельств [Советское право в период Великой Отечественной войны 1948: 177]. При этом он не разъяснил, при каких именно преступлениях допустимо применение ст. 51 УК РСФСР.

Как утверждали представители советской уголовно-правовой доктрины, на практике указанные нормы не применялись к контрреволюционным преступлениям, к бандитизму, а также к преступлениям лиц, осужденных на основании Закона от 7 августа 1932 г. об охране общественной (социалистической) собственности [Герцензон, Грингауз, Дурманов и др. 1947: 39]. Вместе с тем, как показывают архивные источники, военные трибуналы хотя и редко, но все же заменяли расстрел военнослужащим, осужденным за измену Родине, как до, так и после издания 24 апреля 1942 г. Пленумом Верховного Суда СССР соответствующего постановления.

Так, согласно сообщению Управления Особых отделов Народного комиссариата внутренних дел СССР от 28 ноября 1941 г. осужденному бывшему командиру 395-го отдельного стрелкового батальона 227-й стрелковой дивизии Р., совершившему 11 октября 1941 г. переход на сторону врага, было назначено наказание в виде 10 лет лишения свободы с посылкой на фронт⁴.

В апреле 1942 г. красноармеец П., имея намерение перейти на сторону врага, собрал данные о численном составе батальона и его вооружении для последующей передачи противнику. При этом он склонил к переходу еще двух красноармейцев. Приговором военного трибунала 2-го гвардейского стрелкового корпуса от 8 сентября 1942 г. П. осужден за измену Родине по ст. 58-1 «б» УК РСФСР к расстрелу. Двое его сослуживцев, давших согласие на переход к врагу, были осуждены за покушение на измену Родине по

¹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 38526. Л. 334.

² Военным трибуналам при дивизиях были подсудны дела о преступлениях командного состава до командира роты; при корпусах – до командира батальона; при армиях (флотилиях) – до помощника командира полка; при военных округах, фронтах и флотах – до командира неотдельной бригады включительно и приравненных к ним по служебному положению лиц.

³ Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 28 июля 1941 г. № 30/15/у и от 11 октября 1941 г. № 42/23/у «О рассмотрении дел о преступлениях лиц, состоящих в частях народного ополчения», от 14 августа 1941 г. № 35/17/у «О рассмотрении дел о преступлениях лиц, состоящих в истребительных батальонах» и др.

⁴ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 21348. Л. 48.

ст. 19-58-1 «б» УК РСФСР с применением ст. 51 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы с поражением в правах, предусмотренных пп. «а», «б», «г» и «е» ст. 31 УК РСФСР, на три года¹.

С 22 по 29 марта 1943 г. красноармеец Г. организовал изменническую группу в составе пяти военнослужащих для последующего перехода на сторону врага. Г. заранее рекогносцировал местность перехода и приготовил средства для переправы через реку Северный Донец. В ночь на 30 марта 1943 г. Г. совместно с двумя красноармейцами из группы, захватив оружие и боеприпасы, покинул расположение занимаемой подразделения обороны и выдвинулся в сторону противника. Однако они не смогли довести преступление до конца, так как переправочных средств в том момент на реке не оказалось. Приговором военного трибунала 34-го стрелкового корпуса от 11 мая 1943 г. Г. был осужден по ст. 58-1 «б» УК РСФСР к расстрелу, а остальные красноармейцы, входившие в группу, – по ст. 19-58-1 «б» УК РСФСР к лишению свободы на 10 лет с поражением в правах, предусмотренных пп. «а», «б», «в», «г» и «е» ст. 31 УК РСФСР, на 5 лет².

Ограничение на применение ст. 51 и примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР в отношении осужденных за контрреволюционные преступления было нормативно закреплено лишь 26 января 1944 г. в совместном приказе Народного комиссариата обороны, НКВД, НКЮ и Прокуратуры СССР № 004/0073/006/23сс³. При этом, как следовало из приказа Прокурора СССР от 27 июля 1944 г. № 4/177с⁴ и приказа НКЮ СССР от 31 июля 1944 г. № 18/25с⁵, некоторые суды, несмотря на наличие прямого запрета (п. 1 приказа от 26 января 1944 г.), применяли примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР в отношении осужденных за грабежи, бандитизм и даже контрреволюционные преступления.

Пленум Верховного Суда СССР свою позицию по поводу применения судами ст. 51 УК РСФСР в отношении изменников Родине из числа военнослужащих выразил уже после окончания войны. Так, в постановлении

от 21 ноября 1947 г. № 16/9/у/с говорилось, что только в исключительных случаях, исходя из обстоятельств дела и обстановки совершения преступления, если суд обнаружит наличие смягчающих обстоятельств, в частности в тех случаях, когда виновный своей последующей активной борьбой против врага частично искупил вину перед Родиной, суд вправе применить к виновному наказание ниже предела, указанного в законе. При этом в приговоре следовало точно излагать мотивы снижения наказания⁶.

31 июля 1943 г. решением Президиума Верховного Совета СССР было установлено, что Верховный Суд СССР как высший судебный орган в порядке осуществления судебного надзора по делам, по которым применена высшая мера наказания, мог применять в виде наказания каторжные работы на срок от 15 до 20 лет к осужденным тех категорий, в отношении которых эти меры наказания предусмотрены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» [Сборник законодательных и нормативных актов 1993: 43]. Однако данный подход был реализован при осуждении не только лиц указанной категории («пособники из местного населения, уличенные в оказании содействия злодеям в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами»). В судебной практике есть примеры его применения и к советским военнослужащим, вставшим на путь коллаборации.

Так, 18 мая 1943 г. военным трибуналом Уральского военного округа к высшей мере наказания по ст. 58-1 «б» УК РСФСР был осужден бывший военнослужащий младший лейтенант Н., который, попав в плен в августе 1942 г., был завербован германской разведкой и после прохождения обучения в школе подготовки радистов-разведчиков в Смоленской области в числе других пяти агентов был заброшен в советский тыл с заданием по сбору сведений о воинских частях, транспортных перевозках, оборонной промышленности и госпиталях. 1 февраля 1943 г. на

¹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 55429. Л. 1.

² Там же. Д. 12524. Л. 2.

³ ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1а. Д. 314. Л. 19.

⁴ Там же. Д. 316. Л. 11–12.

⁵ Там же. Д. 314. Л. 19–19об.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-9474. Оп. 1. Д. 149. Л. 12–13.

основании подложных документов, изготовленных германской разведкой, Н. прибыл в Красноуральск Свердловской области, где был арестован 7 марта 1943 г. территориальным Управлением НКВД. 24 сентября 1943 г. Военная коллегия вынесла определение о замене Н. высшей меры наказания на 15 лет каторжных работ¹.

Приказ Прокурора СССР и НКЮ СССР от 14 января 1943 г. № 00173/610сс предписывал в случаях, когда военными советами и командованием предоставленные им права на утверждение приговоров к высшей мере наказания с немедленным их исполнением своевременно не были реализованы, и осужденный был этапирован в тюрьму после вынесения приговора, военные трибуналы должны были в установленном порядке направлять сообщение в Главную военную прокуратуру и Военную коллегия. Только после получения телеграфного уведомления об утверждении приговора Военной коллегией он мог быть исполнен. Таким образом, приказ усилил функцию надзора, поскольку до его издания для исполнения приговора к высшей мере наказания требовалось только истечение 72 ч после передачи указанного сообщения. Резолютивная часть приказа предписывала председателям военных трибуналов и военным прокурорам установить строжайший контроль за правильным осуждением и исполнением высшей меры наказания².

В надзорной практике Военной коллегии среди отмененных приговоров военных трибуналов по делам об измене Родине наиболее распространены были приговоры, вынесенные заочно [Деятельность органов военной юстиции 1995: 83–84].

Например, 3 января 1944 г. Военная коллегия, рассмотрев протест Прокурора СССР, отменила приговор военного трибунала 55-й армии от 8 февраля 1942 г., вынесенный заочно в отношении семи красноармейцев, а дело направила на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия³. Согласно приговору военного трибунала указанные военнослужащие 14 ноября 1941 г., находясь в боевом охранении переднего края обороны, перешли на сторону противника, что под-

тверждается свидетельскими показаниями, оружием, оставленным ими на постах, и следами на снегу в направлении противника от постов, на которых стояли подсудимые. Все семеро военнослужащих были заочно приговорены к расстрелу с конфискацией имущества по ст. 58-1 «б» УК РСФСР⁴. В своем определении Военная коллегия указала, что приговор военного трибунала основан исключительно на показаниях свидетелей (трех красноармейцев), которые на предварительном следствии высказали предположения о переходе осужденных на сторону противника, расследование по делу проведено с недостаточной полнотой, бесспорных доказательств обвинения по делу не добыто.

19 января 1944 г. Военная коллегия, рассмотрев протест Прокурора СССР, отменила приговор военного трибунала 339-й стрелковой дивизии, вынесенный 24 ноября 1941 г. заочно в отношении десяти красноармейцев, и направила дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия⁵. Решением военного трибунала указанные красноармейцы были заочно приговорены к расстрелу с конфискацией имущества по ст. 58-1 «б» УК РСФСР за добровольный переход на сторону врага. Как отмечалось в приговоре, 14 ноября 1941 г. к окопам, где находились красноармейцы, подъехала бронемашина противника. Затем по требованию двух немецких солдат красноармейцы добровольно сдались в плен, несмотря на поданную командиром К. команду открыть огонь⁶.

Согласно определению Военной коллегии основаниями для отмены приговора военного трибунала послужили следующие обстоятельства: основным свидетелем обвинения выступил К., который также был взят в плен, но бежал, якобы воспользовавшись замешательством немцев; один из свидетелей высказал предположение о факте измены, еще один свидетель и вовсе отсутствовал в момент пленения; утверждение о том, что вся группа в составе десяти человек добровольно сдалась в плен, является неубедительным; в ходе репрессирования членов семьи одного из осужденных выяснилось, что он после якобы имевшего место факта измены Родине проходил службу в Красной Армии.

¹ Архив Управления ФСБ России по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 163. Л. 64–65.

² ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1а. Д. 252. Л. 5–6.

³ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 42554. Л. 18.

⁴ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 42554. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 36413. Л. 51–52.

⁶ Там же. Л. 18.

В письме НКЮ СССР от 16 февраля 1943 г. № 18/13с, направленном председателям военных трибуналов всех уровней, отмечалось, что из надзорной практики Военной коллегии по делам лиц, осужденных за измену Родине, переход на службу к немецко-фашистским оккупантам, следовало, что военные трибуналы при рассмотрении дел данной категории допускали ряд серьезных недочетов¹. Военные трибуналы зачастую неправильно квалифицировали сотрудничество с оккупантами, являвшееся изменнической деятельностью: вместо необходимой в конкретных случаях ст. 58-1 «а» ими применялась ст. 58-3 УК РСФСР. Для лиц, осужденных по ст. 58-1 «а», военные трибуналы не всегда избирали меру наказания, соответствующую содеянному, недооценивая тяжесть измены и назначая лишение свободы, когда по обстоятельствам дела необходимо было применить высшую меру наказания. При этом военные трибуналы нередко приговаривали к высшей мере наказания лиц, социальная опасность которых этого не требовала. Кроме того, в ходе надзорной деятельности Военная коллегия выявила, что иногда военные трибуналы исследовали материалы предварительного следствия поверхностно, неправомерно отказывались от вызова свидетелей, необоснованно выносили оправдательные приговоры по делам данной категории.

В приказе НКЮ СССР от 20 мая 1943 г. были отражены случаи «недопустимого либерального отношения к предателям» в практике военных трибуналов войск НКВД СССР. Так, военные трибуналы войск НКВД Воронежской и Тульской областей назначали изменникам Родине краткие сроки лишения свободы и даже условное осуждение. В качестве общих недостатков также были выделены несвоевременное рассмотрение дел, нарушение требований закона, ошибки при вынесении приговоров, рассмотрение дел в большинстве случаев «кабинетным путем», без выезда для рассмотрения наиболее актуальных дел в воинские части, на предприятия, в колхозы. Основными причинами выявленных недостатков приказ называл неумение ряда председателей военных трибуналов организовать работу, недисциплинированность, распушенность, низкий уровень юридических, полити-

ческих и военных знаний отдельных работников трибуналов².

В приказе НКЮ СССР от 12 ноября 1943 г. № 0101 освещались результаты проверки работы военных трибуналов войск НКВД Украинского округа. В приказе отмечалось, что они провели значительную работу по борьбе с враждебными элементами на освобожденной территории Украинской ССР и по укреплению дисциплины в войсках НКВД. Вместе с тем были установлены серьезные недостатки³. НКЮ СССР вновь обратил внимание военных трибуналов на недопустимость поверхностного изучения материалов предварительного следствия, частые случаи поверхностного проведения судебного следствия без вызова свидетелей, хотя это было необходимо, а также на иные нарушения процессуальных норм.

Военные трибуналы не всегда избирали меру наказания, соответствующую содеянному, недооценивая либо переоценивая его тяжесть

Например, М. был осужден военным трибуналом войск НКВД Ворошиловградской области за измену Родине по ст. 54-1 «а» УК УССР к десяти годам лишения свободы только за службу в немецкой полиции. Однако предварительным следствием ему также вменялось предательство. М. указал врагу склад партизан с оружием, в результате чего было расстреляно 30 советских граждан. Это было подтверждено показаниями свидетеля, но в суд он вызван не был. Военный трибунал войск НКВД Харьковской области осудил К. за измену Родине по ст. 54-1 «а» УК УССР к десяти годам лишения свободы. Показания свидетеля, который на предварительном следствии сообщил, что К. в мае 1942 г. закопал в землю живым раненого партизана, не были проверены в суде, следовательно, и не были учтены при назначении К. наказания.

В ходе проверки деятельности военных трибуналов также были установлены факты неправильного оправдания виновных. В частности, военным трибуналом войск НКВД Во-

¹ ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1а. Д. 252. Л. 25–26.

² ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1а. Д. 247А. Л. 98–101об.

³ Там же. Д. 247Б. Л. 1–5.

рошиловградской области был оправдан О., несмотря на то что по делу были доказаны его служба по охране села от партизан по поручению старосты, а также факты доноса им старосте на подозрительных лиц, оглашения фашистских газет, участия в комиссии по изъятию скота у населения. Показательным также является случай, когда из пяти оправдательных приговоров военных трибуналов войск НКВД Сталинской области по делам о контрреволюционных преступлениях четыре приговора были отменены в порядке надзора.

В приказе вновь обращалось внимание на случаи неправильной квалификации фактически совершенного предательства не как измены Родине (по ст. 54-1 «а» УК УССР), а как пособничества врагу (по ст. 54-3 УК УССР). Подобную квалификацию, например, допустил военный трибунал войск НКВД Ворошиловградской области, оценив таким образом взрыв шахт по заданию немцев в момент их отступления. В приказе также подчеркивалось, что в практике военных трибуналов не применялся дифференцированный подход к избранию меры наказания.

Например, по делу Я., который 2,5 месяца охранял склады со строительными материалами, было назначено наказание в виде десяти лет лишения свободы с поражением в правах на пять лет по ст. 54-1 «а» УК УССР. При этом предатель Л. был осужден по ст. 54-1 «а» УК УССР только к семи годам лишения свободы с поражением в правах на три года и конфискацией имущества. Было установлено, что он сдался врагу без сопротивления, впоследствии бежал из немецкого плена и, проживая на оккупированной тер-

ритории, донес противнику на советских граждан, скрывавшихся от немцев и обратившихся к нему за хлебом. Затем Л. участвовал в их розыске, в результате которого один из них был пойман и подвергнут расправе.

Таким образом, деятельность военных трибуналов в военные годы невозможно оценивать однозначно. Практика вынесения неправосудных приговоров и допущение нарушения законности, безусловно, внесли вклад в историю репрессий военного периода. Вместе с тем военные трибуналы сыграли значительную роль в укреплении дисциплины на фронте и в тылу, в обеспечении безопасности и обороноспособности страны, привлекая к ответственности действительных предателей и пособников немецко-фашистских захватчиков.

Вынесению военными трибуналами неправосудных решений по делам изменников Родине способствовал ряд политико-юридических факторов. Деятельность этих трибуналов осуществлялась в соответствии с положениями чрезвычайного процессуального законодательства военного периода и в рамках жесткого общегосударственного подхода к решению задач противодействия коллаборационизму и иным угрозам военного периода. Вместе с тем судебный и прокурорский надзор, ведомственный контроль со стороны НКЮ СССР ограничивали произвол и нарушения законности в деятельности военных трибуналов, а также способствовали правильному и единообразному правопониманию и применению материальных и процессуальных норм.

Список литературы

Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д. и др. История советского уголовного права. 1917–1947. М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1948. 465 с.

Григуть А. Е. Роль и место органов НКВД СССР в осуществлении уголовно-правовой политики Советского государства в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 234 с.

Гусев Л. Н. Подсудность уголовных дел. М.: Госюриздат, 1955. 110 с.

Деятельность органов военной юстиции в годы Великой Отечественной войны: материалы круглого стола журнала «Государство и право» // Государство и право. 1995. № 8. С. 83–107.

Звягинцев В. Е. Война на весах Фемиды: война 1941–1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. М.: Терра – Книжный клуб, 2006. 768 с.

История советской прокуратуры в важнейших документах. М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1947. 544 с.

Кодинцев А. Я., Шкаревский Д. Н., Яноши В. В. Органы специальной юстиции СССР в 1930–1950-е годы. Сургут: Издат. центр СурГУ, 2016. 255 с.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика; Верховный Совет Рос. Федерации, 1993. 223 с.

Советское право в период Великой Отечественной войны: в 2 ч. / под ред. И. Т. Голякова. М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1948. Ч. 2: Уголовное право. Уголовный процесс. 215 с.

Фомин А. А. Эволюция правового подхода к оценке деятельности коллаборационистов в годы Великой Отечественной войны // Genesis: исторические исследования. 2017. № 5. С. 23–40. DOI: 10.7256/2409-868X.2017.5.20220.

Алексей Анатольевич Фомин – соискатель кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: russian.ekat@mail.ru.
ORCID: 0009-0004-6174-1870

On the Regulation and Practice of Bringing to Justice Traitors to the Motherland by Military Tribunals in the Years of the Great Patriotic War

The paper examines certain aspects of the political and legal approach of the Soviet state to regulating the activities of military tribunals, the peculiarities of judicial practice, judicial and departmental control, prosecutorial supervision, in the context of cases against traitors to the Motherland. The relevant orders of the People's Commissariat of Justice of the USSR, the Prosecutor of the USSR, determinations of the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR, etc. were analyzed.

The author concludes that it is impossible to unambiguously assess the activities of military tribunals during the war years. On the one hand, their practice of passing unjust sentences and admitting violations of the rule of law has contributed to the history of repression during the war period. On the other hand, tribunals played a significant role in strengthening discipline at the front and in the rear, ensuring the security and defense capability of the country, bringing to justice real traitors and accomplices of the Nazi invaders. The author analyzes organizational and legal measures that contributed to both the tightening of criminal repression and the provision of procedural guarantees of legality, proper criminal legal qualification, differentiation and individualization of punishment.

Keywords: *the Great Patriotic war, military tribunals, traitors to the Motherland, prosecution, judicial practice*

Recommended citation

Fomin A. A. O reglamentatsii i praktike privilecheniya k otvetstvennosti izmennikov Rodine voennymi tribunalami v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [On the Regulation and Practice of Bringing to Justice Traitors to the Motherland by Military Tribunals in the Years of the Great Patriotic War], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 5, pp. 75–84, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_5_75.

References

Deyatel'nost' organov voennoi yustitsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: materialy kruglogo stola zhurnala «Gosudarstvo i pravo» [Activity of Military Justice Bodies during the Great Patriotic War: Materials of the Round Table of the Journal «State and Law»], *Gosudarstvo i pravo*, 1995, no. 8, pp. 83–107.

Fomin A. A. Evolyutsiya pravovogo podkhoda k otsenke deyatelnosti kollaboratsionistov v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Evolution of a Legal Approach to Assessing the Activities of Collaborators during the Great Patriotic War], *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, 2017, no. 5, pp. 23–40, DOI: 10.7256/2409-868X.2017.5.20220.

Gertsenzon A. A., Gringauz Sh. S., Durmanov N. D. et al. *Istoriya sovetskogo ugolovnogo prava. 1917–1947* [History of Soviet Criminal Law. 1917–1947], Moscow, Yurid. izd-vo Ministerstva yustitsii SSSR, 1948, 465 p.

Grigut' A. E. *Rol' i mesto organov NKVD SSSR v osushchestvlenii ugolovno-pravovoi politiki Sovetskogo gosudarstva v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, 1941–1945 gg.* [The Role and Place of the NKVD of the USSR in the Implementation of the Criminal Law Policy of the Soviet State during the Great Patriotic War, 1941–1945]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 1999, 234 p.

Gusev L. N. *Podsudnost' ugovolnykh del* [Jurisdiction of Criminal Cases], Moscow, Gosyurizdat, 1955, 110 p.

Istoriya sovetskoj prokuratury v vazhneishikh dokumentakh [The History of the Soviet Prosecutor's Office in the Most Important Documents], Moscow, Yurid. izd-vo Ministerstva yustitsii SSSR, 1947, 544 p.

Kodintsev A. Ya., Shkarevskii D. N., Yanoshi V. V. *Organy spetsial'noi yustitsii SSSR v 1930–1950-e gody* [Bodies of Special Justice of the USSR in the 1930s–1950s], Surgut, Izdat. tsentr SurGU, 2016, 255 p.

Sbornik zakonodatel'nykh i normativnykh aktov o repressiyakh i reabilitatsii zhertv politicheskikh repressii [Collection of Legislative and Regulatory Acts on Repression and Rehabilitation of Victims of Political Repression], Moscow, Respublika, Verkhovnyi Sovet Ros. Federatsii, 1993, 223 p.

Sovetskoe pravo v period Velikoi Otechestvennoi voiny [Soviet Law during the Great Patriotic War], in 2 parts, Moscow, Yurid. izd-vo Ministerstva yustitsii SSSR, 1948, pt. 2, 215 p.

Zvyagintsev V. E. *Voina na vesakh Femidy: voina 1941–1945 gg. v materialakh sledstvenno-sudebnykh del* [The War on the Scales of Themis: the War of 1941–1945 in the Materials of Investigative and Judicial Cases], Moscow, Terra – Knizhnyi klub, 2006, 768 p.

Alexey Fomin – postgraduate student of the Department of history of state and law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: russian.ekat@mail.ru.

ORCID: 0009-0004-6174-1870

Дата поступления в редакцию / Received: 12.10.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 27.11.2023